

Алексей Аустовъ

дежавю

Литературное имя

Алексей АИСТОВЪ
Дежавю (сборник)

«Э.РА»

2018

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Аистовъ А.

Дежавю (сборник) / А. Аистовъ — «Э.РА»,
2018 — (Литературное имя)

ISBN 978-5-99062-247-0

Откройте эту книгу, если вы любите блестящий Санкт-Петербург. Если вы готовы окунуться не только в главную его артерию – Невский проспект, но и понять откуда истекают ручейки его могущества. Мир многолик. Эта книга – поиск истоков, поиск ответов, поэтому может кому-то показаться, что стихотворения выстроены по определенному сюжету. Да, по сути – все слагаемо... Не открывайте эту книгу, если она опасна тем, кто давно утонул в жизни размеренной и пустой. Автор долгие годы работал в Большом театре. Имеет звание «Заслуженный артист Российской Федерации». Печатался в альманахах «Российский колокол», «Атлант», в киевском международном сборнике «Артелен» и в других журналах, альманахах. Член Российского союза писателей. Книга понравится тем, кто любит читать поэзию медленно.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-99062-247-0

© Аистовъ А., 2018
© Э.РА, 2018

Содержание

Невская перспектива	6
Грузинский чай	7
Петербургская грустная песня	8
Ноябрь седьмого трибунной строкою	9
Осень Петербурга	11
На 7-ой Советской	12
Болтается на волнах лодка	13
Чёрный хлеб	14
Этот пятый маршрут на Васильевский	15
Где-то бродит сумасшедший	16
Окна Петербурга	17
Прошагал за окнами Шагала	18
Притча о поэте, слепом старике, толпе и весне	19
Я учился на Мойке	20
Невские миражи	21
Мутация	22
Дядя Ваня	23
В аквариуме поезда	25
Откройся дверь	26
Среда	27
Исаакиевский собор в тумане	28
Невский в ночь под утро	29
Я приеду к тебе	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алексей Аистовъ

Дежавю

© Степанов А. И. 2018

Невская першпектива

*«...красота – не прихоть полубога
А хищный глазомер простого столяра».*

Осип Мандельштам

«Не красиво, а правильно, —
так говорил
математики школьный учитель. —
В непреклонную стройность небесных стропил
с этим взглядом надёжным входите...»

Так разносишь по миру, что видел уже,
что расставилось в ряд соответствий
Петербургу, впечатанному на душе
кодом юношеских геометрий...

Так холодною поступью в такт красоты
осмысляются жизни мотивы,
что упрятаны зодчими в нить прямоты
Невской вытянутой першпективы.

Грузинский чай

Мы пили на кухне грузинский чай,
старушки две в белом, на стуле кошка,
слетались истории невзначай
к вечернему сумраку понемножку.

Всё было, как водится: чей-то муж,
пропавший во времени, слухи, связи, —
и я за рассказами точно уж,
уж точно забылся в глухой осаде.

Как вдруг из беспамятства слух восстал,
не веря спросонья... — Одна лепечет,
что в Смольном училась. Какой-то бал...
Другая кивает, лишившись речи.

И серые стены бесцветных дней
на миг расступились навстречу правде
такой невозможной... Блестала тень
в скупом от величия Ленинграде.

Советская кухня, грузинский чай,
тоска по углам отслоилась в сгустки.
Слова ино-странные бормоча,
старуха ревела совсем по-русски.

Петербургская грустная песня (прогулка с музой)

Мы пройдемся с тобой вдоль каналов,
где плутали по множеству раз,
не ища ни конца, ни начала,
где по-прежнему выюжит сейчас.

Там снежинки, под блеск вдохновения,
жалят щёки, как вспышки-стихи,
выжигая следы песнопения
на подстрочник холодной зимы.

Я целую тебя. Ты, как можешь,
отторгаешь приливы любви,
О, лазурь поднебесного ложа
в сладкогласье промозглой Земли.

Петербургская грустная песня.
Чтобы вспыхнуть сумела зола,
ты уводишь меня в занавесье
смутных окон колодца-двора.

Там рождается мы, умираем,
открывая скрипучую дверь
в то, что в вечер припомнилось с чаем,
что давно в каталоге потерь...

Ноябрь седьмого трибунной строкою

Ленинградский вокзал не похож на Московский,
там в буфете средь хмурых, отнюдь не приезжих,
в ребус трещин стола, в грань сомнительной стопки
к полуночью всегда я светлѣхонький брежу...

Этот длинный роман, ну, почти как толстовский,
в переводе моём несуразен, как правда...
Мой сосед, осерчав, но премилый чертовски, —
бутерброд с колбасой и селѣдочный запах
предложил отвести под пол литра к артистке
всем известной... и мне.
— Загудим деньрождение:
не дано сочинять, пусть советские диски
препарируют вкус времяпрепровождения...

Одиночеству в пасть
(прямо в краснознамѣнную,
в ту, где верили, гнулись, иль просто толпою
для чего-то срослись в телеутро казѣнное
на ноябрь седьмого трибунной строкою)
мы смотрели на кухне в хмельном безразличии.
Было утро. Противно. Когда расходились,
той актрисе взбрело лунный взгляд Беатриче
мне за дверь спешно бросить из скромной квартиры...
И его я унёс. И кусались повсюду
кумачовые флаги. С грудными бантами
по кричалкам разбились без-умные люди
среди Чуда проспектов, как сны из Италии...

Петербург! Ты как эхо с созвездия Данте,
где любовь, как мираж, но с надеждой на встречу.
Где в граните затеряны знаки и даты
повседневности Бога, в которой ты вечен.

Петербург, где на Невском в толпе одиноко,
распадаются звенья людей совпадения,
где Казанский направит всевидящим оком
в колоннаду степенного долготерпения.

Вся в барашках Нева, как в ногах покрывало,
но не греет, а стынет под натиском бури,
что из дальних морей навсегда заказала
дух бунтарский, замешанный в нашенской дури.

Все пути до Дворцовой. Там ветры, как стая

из простуженной вечностью русской основы.
Из-за крыш Исаак с высоты наблюдает,
как, ликуя, народ, примеряет оковы.

...Время жмёт. И пора в ленинградско-московский
неизбежный вокзал, где я спрятал надежду
в ребус трещин стола, в грань полуночной стопки,
где светлехонький я улыбаюсь и брежу...

Осень Петербурга

Внутри себя я в Петербурге(с),
а потому с утра дожди
заморосили переулки
и льют за шиворот души.

Кружу себе по ртутным лужам,
к любви сбежавший налегке,
и с каждым шагом мир мой уже, —
в подъезд уткнётся на замке,

где коммунальные квартиры
в Позавчерашнем заперлись
задвижками времён Бастилий
и паутиной у карниз.

Где старый фильм (потёрта плёнка)
смотрю до одури зари:
кленовый лист в руке ребёнка
в саду Михайловском горит...

Хмельная осень Петербурга!
Тебе по-варварски молюсь
просветом в облачности с юга,
и невским ветром в ритме blues.

На 7-ой Советской

В комиссионке на 7-ой Советской,
где пыль из прошлого до потолка,
где смотрят в зеркала мои все двести...
(за гранью спрятаны, наверняка)
года, что вылупились в круглом глазе
чеканкой, супницей, огней игрой
в плавильне хрусталя. Сожмут в досаде
и выбросят потом ночной порой
в крик неизвестногО, что сдуру купишь...
Зиянье магазинной тишины,
где бедность продаётся на поруки,
промокло звуком порванной струны.

Не каждый вхож в те сомкнутые двери,
где ночь и день – над тайной абажур,
надежды где взошли и пожелтели,
оставив тень от света прошлых лун.
Не вещи, души их, как та дорога
в извилинах прошедшего пути,
зовут к себе, им так нужна подмога,
из тупика людской ненужности...

Иду, иду Суворовским на Невский,
пусть Старый, но до дрожи дорогой,
с Восстанием прощаюсь, будто с детством,
ведь я живу сегодня под Москвой.

Болтается на волнах лодка

Болтается на волнах лодка.
И дождик мерзкий моросит.
Такая невская погода,
что костный мозг и тот осип.

Здесь тротуары в лужах уже,
в них неба заспанная ртуть.
Петляешь в никуда, но хуже,
что некуда.
И не свернуть...

Туда, где вещие витрины
отпаривают рубль в уют,
бреду, как в роще мандаринов,
жуя оскомину свою.

А все вода в гранитной фляге
прокисла ропотом морей
в божественность петровской браги,
что пьёшь до дна... И мне налей!

Бросается хмельная лодка
в смертельный поцелуй волны...
И боль ангины словом в глотке —
со вкусом ангельской слюны...

Чёрный хлеб

лучше под утро
вернуться назад
в тень Петербурга —
глухой Ленинград.

где в недосыпе
густою волной
запах насытит
сермягой ржаной

круглого хлеба,
что грузят с машин
вглубь полусвета
от хлебных витрин...

добрый трудяга
узнает меня, —
хлеб, без напряжения,
в мои времена

бросит: покушай...
попробуй, какой,
лучше — не лучше,
но, точно, другой.

бросит сквозь Лета,
что грузит с машин
в прошлое лето
из нынешних зим.

в лучшее утро,
как взглянешь назад
в тень Петербурга,
где спит Ленинград...

Этот пятый маршрут на Васильевский

В этот пятый маршрут на Васильевский,
/что пройдёт над свинцовостью слизистой
в магнетизм
меж двумя Нилу подданных/
как листок календарный оторванный,
я сажусь,
вопреки невозможному...
И трамвайный посредник из прошлого,
повезет, повезёт, отвезёт на конечную,
если только, конечно, не сплю...

Где-то бродит сумасшедший

Я знаю, где-то бродит сумасшедший
по Питеру, упрятавшись в толпе.
Горящий взгляд из «...повестей» сошедший
прохожим плавит думы в голове.

Растерянные, раненные люди
бегут от взгляда в сумраки страстей:
в проспекты, в переулки сирых судеб,
в столетний омут питерских дождей...
Я знаю, голод здесь и не кончался,
и людоед ждёт в проходном дворе,
где пульса страх всё громче час от часа,
как метроном в том лютном январе...

Блестящий город! Город мой убийца,
не утолить стихами невольный бред.
Пусть сбудется, чему должно случится,
в гранит пространства вслаивая след.

Шагов осколки в арочных воротах
звучат, как смута, – времени излом.
Замедлю шаг и я пред поворотом,
пред неизбежностью за тем углом.

Я знаю, где-то бродит сумасшедший...

Окна Петербурга

За закрытым навечно окошком —
Подоконника сумрачный мир,
где в цветах позабытая кошка
лизет времени кислый пломбир.
Засолил Петербург бесконечность
в окнах-паузах серой стены,
где сознание вдоль-поперечно
перемирия жаждет войны.

Но сдвигаются камни утробы
вислой улицы в рвотную глушь,
где мелькают в прицеле особы,
что стреляют глазами без-душ —
но сквозь створ из бойницы столетий
проникают проклятия в нас,
под ногтями в дыму междометий
множась в холод безличия масс.

Схоронюсь в лазарете Коломны
на безветренной той стороне,
где не слышны за стеклами стоны,
где безвременье с кошкой в окне...

Прошагал за окнами Шагала

Сквозь годы тянется твоя рука?
в тот ленинградский каменный колодец,
и как тогда возносят два крыла
на Невский в Витебск, иль куда-то вроде...

Забыты крылья там на чердаке,
где ближе был и к ангелам, и к Богу,
там память в петербургском бардаке
провисла вверх с Шагалом на свободу...

Где ж та любовь, и ветер в голове,
что кружит блажь в пересечение улиц,
чтобы спрягалась по углам во все —
возможные местоимения дури...

По теньям крыш куда-то прошагал
за окнами Шагала — наивный гений.
И я слетал сегодня на вокзал,
чтоб взять билет
до юных тех мгновений.

Притча о поэте, слепом старике, толпе и весне

Старик сидел на Невском в переходе,
в ногах табличка: «я слепой – молю...»
монеты две лежали в шляпе, вроде, —
не удивишь холодную толпу...

Поэт небритый брёл в толпе без цели,
(где цель весной у ветреной души?),
и вдруг старик... сомненья одолели:
«когда денег нет, — хоть слово напиши...»

И написал чего-то там, вдогонку
старик грозил... Поэта след пропал,
но звук знакомый сбил слепого с толку, —
звенел в круг шляпы брошенный металл...

Так день прошёл. Слепой наш настоящий —
в дурмане счастья... всё-таки спросил
коллегу (тоже тот ещё пропащий,
дурил народ, а после жутко пил):

«прочти записку... в буквах что за сила?...»
Тот взял листок, поднёс его к лицу
и прочитал: «ВЕСНА ДЛЯ ВАС ЯВИЛАСЬ!
А Я СЛЕПОЙ. НЕ ВИЖУ Я ВЕСНУ».

...Весна и вправду людям всё сказала,
весной и вправду с л о в у благодать,
поэт весной, как Моисей сначала,
учить толпу способен сострадать.

Я учился на Мойке

Я учился на Мойке в пространствах Капеллы,
в ветрах, дувших с Дворцовой на Пушкинский дом.
Проходными дворами утрами летели
в заводь звучную стаи мальчишек гуртом.

Вертикальные гаммы, усталые связки,
ощущение нуля в обертонном строю.
Эти звуки-конфетки, как сладкие сказки,
сочиняли причастность к музыке мою.

Эти старые ноты в прямых Ленинграда
струнах улиц, бренчащих под дробью дождей,
созревали во мне, как цветы из рассады,
в неподъёмный букет вдохновенных идей,

где, безумствуя, юность плоды раскидала
на промёрзшие годы трудов и бытия.....
И сегодня я мнусь (как школяр подле зала,
опоздав на распев...)
у оград Бенуа...

Невские миражи

Петербуржец, бредущий устало,
сквозь очки росчерк улиц дрожит,
в проржавевшее всуе забрало
ночь нацеживает миражи.

Час Быка. Отмороженный ветер
переулками влагу, как лёд,
распыляет с Невы. Он в ответе
здесь за всё, что, склоняясь, растёт.

Зов реки, как моё безрассудство,
волн свинец обратит в облака,
что куда-то спешат, но сойдутся
в невской бездне, где стынут века.

Отойди, и потом всё сначала,
иль в конец, или вдоль, поперек,
всё равно, над тобой покрывало
кто-то чуткой рукой приберёт.

Улиц контуры слишком прямые,
чтобы ложное смог обойти
хитрый разум, – порой обходные
к общей истине сводят пути.

Свет в окне. Как наивное счастье,
там прабабушкин фикус живёт.
Город сумрака в лапах ненастья
верит в сентиментальное всё.

И осталось мне тоже поверить,
всё как есть до конца полюбить,
остальное – безбожная ересь,
что клюют по утрам воробы.

Эти путы-прогулки у края,
где нисходят с небес этажи,
одинокства гордость смиряют
с неизбежностью попросту жить...

Мутация

«Девушка пела.....»

А. А. Блок

Мальчики пели в церковном хоре.
К вере причастность ловя во вторе
эха под сводом, в мерцанье свечек.
День растворялся в тревожный вечер.

Будет всё после: разруха, горе,
боль, помешательство на раздоре
братьев меж братьев... Всё будет после,
после, где станешь зачем-то взрослым.

Всё неминуемо канет в вечность.
Всё позабудется.
Бесчеловечно
жаждать мутации гласа веры
в мире, где звуки так липки, серы...

Мальчики пели в церковном хоре.
К вере причастность ловя во вторе
эха под сводом...

Дядя Ваня

1

Детство, двор-колодец, северный оскал
неба хмурого над ленинградской жизнью.
Дворник дядя Ваня, – это твой причал,
чуть рассвет в окне, а ты уж рисовал
чистоту метлой по камням, точно кистью.

2

Кто удержит неумного птенца,
как шаги утихнут утром на работу
мамы ласковой и строгого отца?
Мигом сдунет озорного сорванца
в коммуналке душно-нищей несвободы.

3

Во дворе без солнца, будто на посту,
нас встречал с обыденной в губах усмешкой
дядя Ваня. Аккуратно под метлу
сор сгребал он, вглядываясь там, в углу,
в жизнь дворовую, где был он просто пешкой.

4

Но судьба готовила свой страшный ход:
крик раздался как-то на рассвете раннем
с чердака, где чёрный дядиванин кот
терся преданно у висельника ног
в вое дворничихи, жутком и прощальном...

5

Ваня, боль твоя, как жизнь вошла в петлю...
Из войны, подлюги, боль, — гласила справка... —
Миллионы безответных «почему»
и сегодня, падая в глухую мглу,
давят, вопрошая, как твоя удавка...

6

...Двор всё тот же, и обшарпан, как тогда,
но поменьше, вроде, погрязнее стало...
Чудится, как тянет что-то из угла, —
точно, боль сердечная, иль от ума...
то, что время изначально заметало?

7

Кто же ныне «дядя Ваня» во дворе?
Кто «из пешек» подметает камни в вечность? —
Те же люди бродят, жмурясь, по заре...
Так же тесно, но привычно плыть в толпе
под клочками неба в дождь и неизбежность...

В аквариуме поезда

В аквариуме поезда всегда
живу подохшей рыбой – кверху брюхом,
в глазах напротив скуки пустота,
замаринованная мерным стуком...

В любимый город еду – Ленинград,
чтоб утонуть на Невском в захолустье...
чтобы Михайловский (английский сад)
листвой накрыл меня в аллее грусти...

Спрессованная жизнь летит к концу,
её разгон опасен виражами.
И хлещут тени в окна по лицу
забытыми из детства миражами.

Откройся дверь

Откройся дверь в несказанное слово,
разбей бокал дрожащая рука, —
сегодня я во власти дорогого
изысканного красного вина.

Улыбок сон, и похотливый шёпот,
изнеженный телесный аромат,
и страсти вожделенный ропот
настроят на сознанья полумрак,

где на пути руки в одеждах шёлка
раскроется настроенная плоть,
где кровь клокочет волнами настолько,
сколь можно в жилах по вискам колоть...

В заснеженном пространстве Ленинграда
я Петербург безвременья отпил, —
блаженство в горячи земного ада,
холодный рай, беспечный, как тротил.

Среда

Убийца-чай на нет свел шумный спор...
Мы распрощались как-то неумело,
но лужи отражали разговор,
косыми брызгами кусая тело.

По городу натоптаны круги,
где в сумраке сопровождают тени,
пути из прошлого привычно нележки. —
В созвездьях петербургских настроений
в безвыходность замкнулись, как всегда...

В беспомощность, глядящего спросонья
на город, где привычная среда
волшебна столь,
сколь вредна для здоровья...

Четверг не заступил. И вкус застолья
бродил в ночи...
Но кончилась среда.

Исаакиевский собор в тумане

Был утренний туман
густой и влажный,
в нём прятал великан
свой облик страшный.

Лишь контуры видны,
подходишь ближе, —
плывут из глубины
порталы, крыши.

Колонн ритмичный ряд
вверху дым растворяет
в причудливый наряд
неведомого края.

Но тает в вышине...
Парит там колоннада,
мерцанье, блеск в огне,
горит туман от злата!..

Торопят дни, года, —
всё жизнь пустая.
Находим, — что, когда?..
Кого теряя.

Кидая тень в версту,
проходим мимо,
с глазами в пустоту,
с улыбкой мима.

Обман-обман-обман
пустой, продажный.
Всё поглотит туман
густой и влажный.

Невский в ночь под утро

Помню случай:
в ночь под утро Невский вброд перехожу,
снег летает, тут же тает, как и должно миражу.
Мимо каткиного сада к Елисею по прямой, —
ни души, ни Ленинграда в голове моей хмельной.
Посреди проспекта – здрасте! – мне на встречу не спеша,
крыса (массою в квадрате)... Жуть! Но страшно хороша! —
любовался я в пол взгляда... И тотчас, забыв, что пил,
от души вдоль Ленинграда прочь бегом до края сил...
С этих пор я осторожно, лужами иль по снегу,
в Ночь иду, где всё возможно, —
убегу – не убегу?..

Я приеду к тебе

Я приеду к тебе погулять, Ленинград,
только в прошлое путь расспрошу у знакомых.
Говорят, будет трудно билеты достать,
хоть пустые ночами уходят вагоны.

Но, как это знакомо, — опять дефицит,
и опять в кассу очередь тянется вечность,
и подходит, как прежде, сомнительный тип,
предлагая возможность войти в неизбежность.

Только дверь со двора, и пред нею отдать
нужно то, что хранил эти лютые годы, —
мол, зачем этой памяти скучная кладь,
коль за дверью всё есть для беспечной свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.